

Virtualization of the Socio-Cultural Frontier “Tertius Romae”

Gennady V. Bakumenko (a) & Anna G. Luginina (b)

(a) Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. Armavir, Russia. Email: [genn-1\[at\]mail.ru](mailto:genn-1[at]mail.ru)

(b) Kuban State Agrarian University. Krasnodar, Russia. Email: [luginina.anna8\[at\]mail.ru](mailto:luginina.anna8[at]mail.ru)

Abstract

The relevance of the study is due to the need to clarify the semantic core of the sociocultural frontier *Tertius Romae*. The theoretical construct *Tertius Romae* by Mark Cicero has undergone semantic transformations throughout history. It acquires various meanings of political and geographical ambitions, including the ideas of "Moscow is the Third Rome" and "Third Reich", the connotations of Christian sacral and eschatological expectations, the form of the core of the idea of national sovereignty, world domination, the global economy and, finally, the global virtual world.

The purpose of the study is to determine the historical stages of the evolution of the socio-cultural frontier *Tertius Romae*.

Apart from the time when the construct *Tertius Romae* appeared in the work of Cicero, we also distinguish three global stages of its evolution: sacred (5th – 16th centuries), secular (16th – 20th centuries) and virtual (starting from the 21st century).

If during a long sacred stage, the control centers form the semantic core of the *Tertius Romae* frontier, then at the subsequent stages they actively exploit it. The concept of a socio-cultural frontier in the new digital reality acquires the meaning of the moving boundaries of a technologically backward periphery, dependent on a more developed metropolis, providing communication services, regulating information content and ensuring information security. The theoretical construct, once tied to a territory and a certain form of government, is now acquiring the meaning of virtual power, and socio-cultural frontier is more due to the quality of communication and the power of the final equipment.

Keywords

Frontier; History of Ideas; Evolution of Ideas; *Tertius Romae*; Periodization; Digitalization; Virtualization; Sociocultural Frontier; Political Frontier; Virtual Frontier

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae»

Бакуменко Геннадий Владимирович (а), Лугинина Анна Григорьевна (б)

(а) Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Армавир, Россия. Email: [genn-1\[at\]mail.ru](mailto:genn-1@mail.ru)

(б) Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина. Краснодар, Россия. Email: [luginina.anna8\[at\]mail.ru](mailto:luginina.anna8@mail.ru)

Аннотация

Проблема состоит в необходимости уточнения семантического ядра социокультурного фронта «Tertius Romae». Теоретический конструкт «Tertius Romae» Марка Цицерона на протяжении истории переживает смысловые трансформации. Он приобретает различные значения политико-географических амбиций, включая идеи «Москва – третий Рим» и «Третий Рейх», коннотации христианских сакрально-эсхатологических ожиданий, форму ядра идеи национального суверенитета, мирового господства, глобальной экономики и, наконец, глобального виртуального мира.

Цель исследования – определение исторических этапов эволюции социокультурного фронта «Tertius Romae».

Мы выделяем, помимо времени появления конструкта «Tertius Romae» в наследии Цицерона, три глобальных этапа его эволюции: сакральный (V–XVI вв.), секулярный (XVI–XX вв.) и виртуальный (начиная с XXI в.).

Если на протяжении длительного сакрального этапа управляющие центры формируют семантическое ядро фронта «Tertius Romae», то на последующих этапах активно его эксплуатируют. Понятие социокультурного фронта в новой цифровой реальности обретает значение подвижных границ технологически отсталой периферии, зависимой от более развитой метрополии, оказывающей услуги связи, регламентирующей информационный контент и обеспечивающей информационную безопасность. Некогда привязанный к территории и определенной форме правления теоретический конструкт, обретает сегодня значение виртуального могущества, а социокультурная фронтальность обусловлена качеством связи и мощностью конечного оборудования.

Ключевые слова

фронт; история идей; эволюция идей; Tertius Romae; периодизация; цифровизация; виртуализация; социокультурный фронт; политический фронт; виртуальный фронт

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

О предмете исследования

Короля играет свита

Конструкт Цицерона *Tertius Romae*, применённый к описанию принципата, третьего по счету после царства и республики этапа развития древнеримской государственности (Цицерон, 1994, с. 40–45), утвердился в публицистике в качестве распространенной метафоры некоторого центра силы, заявляющего или способного заявить о своих особых (имперских) геополитических амбициях. Стоит подчеркнуть источник метафоры, являющейся характеристикой центра: она возникает на периферии, в фронтальной зоне, характеризующей центр определенным образом. Распространенность метафоры в наши дни связана, с одной стороны, с разнообразием теоретических подходов к осмыслению феномена империализма, а с другой – с разнообразием культурно-исторических смыслов употребления *Tertius Romae*.

Вполне очевидным представляется, что каждая историческая эпоха по-своему интерпретирует этот конструкт. В связи с чем интересно выделить его основные коннотации, чтобы установить их общее семантическое ядро и культурно-исторические факторы смыслового разнообразия. «Короля играет свита» – по отношению к *Tertius Romae* (метрополии) это крылатое выражение, в равной мере восходящее к конфуцианской мысли, повлиявшей на становление Империи Цинь (со II в. до н.э.), и к европейскому осмыслению политической прагматики Н. Макиавелли на пике могущества Священной Римской империи, – указывает, что центр не определим без своего коррелята: провинции, периферии, границ или пределов, пограничных состояний – социокультурного фронта. Речь идет о политическом фронте *Tertius Romae*, но образованном не между противоборствующими коалициями или программами, а в практике управления центром периферийными зонами своего влияния. Этот ракурс позволяет зафиксировать, какими характеристиками должен обладать управляющий центр, чтобы *Tertius Romae* стал социокультурным фронтиром, отражающим стремление провинции к центру.

«Виртуализация» – термин, позаимствованный из инженерного тезауруса, в общих чертах означающий помещение некоторого процесса в автономную цифровую среду (в виртуальную реальность) для его автоматизации и завершения без участия человека (Храпов, 2020; Lee and etc. 2020; Liu and etc. 2016). Вместе с понятием виртуальной реальности часто синонимично употребляется категория дополненной реальности, подразумевающая технологию участия человека в смоделированных виртуальных средах и процессах (Денисов, 2019; Хабибуллина, 2019; Hermida & Casas-Mas, 2020). В последнем случае происходит дополнение реальности виртуальными процессами для преодоления пространственных или временных ограничений человека. Вклю-

чение в социальные практики технологий дополненной реальности также относится к виртуализации социальной жизни в плане расширения влияния технологий на общество.

В последнее время все чаще отечественные исследователи используют метафору фронта для описания социокультурных явлений, обусловленных цифровизацией общества: «сетевой фронт» (Заякина, 2017a; Заякина, 2017b; Плотичкина, Довбыш, 2017; Синельникова, 2020; Федорченко, 2017; Чирун, Боброва, 2018), реже «электронный фронт» (Довбыш, 2016; Плотичкина, 2018), еще реже «виртуальный фронт» (Плотичкина, 2018; Смирнов, Яблокова, 2019).

В зарубежной литературе понятие «электронный фронт» (electronic frontier, e-frontier) устоялось на рубеже XX–XXI вв. применительно к расширяющейся подвижной границе цифровых информационно-коммуникационных технологий, осваивающих социальное пространство (Adams, 1997; Bowman, 1998; Ludlow, 1996; Postigo, 2008; Takacs & Freiden, 1998; Thomas, 1998); распространен и термин «виртуальный фронт» (virtual frontier), означающий совокупность новых явлений и связанных с ними проблем на рубежах социальной и виртуально дополненной реальности (Edwards, 1999; Li & Cui, 2017; Rheingold, 2000; Yang, Fang & Xue, 2021). «Сетевой фронт» (network frontier) употребляется реже, но присутствует в исследованиях социальных сетей в значении подвижных границ сетевого сообщества (Alwin, Felmler & Kreager, 2018; Brass & Borgatti, 2019) или в качестве специального термина в рамках сетевого анализа или его элементов в междисциплинарных исследованиях в качестве маркера обнаруженных предельных значений (Csermely, 2021; Kolaczyk, 2017; Vitevitc, 2019; D'Agostino & Scala, 2014).

Не претендуя на исчерпывающий обзор литературы, отметим, что в отечественный фронтирный дискурс проблематика дополнения социальной реальности виртуальной только проникает, в то время как за рубежом, несмотря на вполне уместное сопротивление отдельных теоретиков (Miller, 1995), кумулятивно развивается не только тезаурус, но представление о сложном спектре проблем, связанных с расширением влияния цифровых информационно-коммуникационных технологий.

Подчеркнув особенность фронтирного дискурса, заключающуюся, с одной стороны, в стремлении исследователей с помощью метафоры описать новые или слабо изученные явления, а с другой – в его проективности, в создании новых смыслов в контактном междисциплинарном поле, Л.Н. Синельникова отмечает, что «диффузность, открытость и проницаемость – свойства фронтирного дискурса, на фоне которых проявляются не санкционированные нормативными предписаниями употребление языковых средств, нарушение норм жанра и стиля в условиях неустойчивых значений и смыслов» (2020, с. 471), а потому «целесообразна ориентация на концепцию фронта в описании новых коммуникационных сред и жанрово-стилистических транс-

формаций в условиях «фронтирного дрейфа» в цифровом поле деятельности» (с. 485).

В обозначенном контексте виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» понимается как перенос сформированных в общественно-политическом дискурсе значений этой идеологемы и её семантического ядра в автономную цифровую среду для автоматизации процесса социального управления без участия человека.

Объектом внимания, таким образом, выступает общественно-политический дискурс как элемент социально-исторического дискурса, расширяющий и интерпретирующий семантический конструкт «Tertius Romae». Семантическое ядро исторически подвижного концепта (социокультурного фронта) «Tertius Romae» является предметом изучения, позволяющим наблюдать эволюцию его функций в процессе взаимодействия управляющего центра и провинции.

Вопросы методологии

Комплекс методических приемов работы подчинен типологии и периодизации, – распространенным методам интеллектуальной истории, которые позволяют обобщить, центрировать исторические сведения вокруг предмета исследования в рамках истории идей. В нашем случае предметом выступает семантический конструкт «Tertius Romae = Третий Рим», приобретающий в исторической ретроспективе различные смыслы политико-географических амбиций, включая идеи «Москва – третий Рим» и «Третий Рейх», коннотации христианских сакрально-эсхатологических ожиданий, форму ядра идеи национального суверенитета, мирового господства, глобальной экономики и, наконец, глобального виртуального мира.

Одновременно, отдавая дань памяти безвременно ушедшему от последствий COVID коллеге, Олегу Вячеславовичу Устрижицкому, кандидату педагогических наук, доценту кафедры телерадиовещания Краснодарского государственного института культуры, подчеркнем его идею, основанную на многолетнем педагогическом опыте: постнеклассическая парадигма развития научного знания позволяет преодолеть статичность теоретического определения динамичного явления путем указания на фронтирность (подвижность) представлений о нем, являющуюся следствием динамики самого явления.

«В условиях смены педагогической парадигмы от субъектно-объектных отношений обучающего и обучаемого к субъект-субъектным при подаче теоретического материала стало дурным тоном и приметой профессиональной ограниченности педагога давать какому-либо явлению единственное определение. Для разъяснения сути предмета сегодня нужно давать несколько определений, включая, в том числе, диаметрально противоположные. Между статично данными определениями и формируется теоретическое представление о социокультурном фронтире явления или предмета, о котором идет речь. Даже естествознание в отдельных областях вынуждено апеллировать к историко-

культурным аспектам развития научной картины мира. В гуманитарной же сфере без указания на фронтирность (пограничность, подвижность, зависимость от точек зрения) устойчивых понятий не обходится практически ни один предмет» (Бакуменко, Устрижицкий & Грицкевич, 2020, с. 129).

Применительно к нашему предмету исследования эта позиция обуславливает два существенных аспекта.

Во-первых, идея (а конструкт «Tertius Romae» представляет собой именно идею, идеальное отражение действительности) может быть статичной только на бумаге, а в социальной реальности остается динамичным явлением, т.е. социокультурным фронтиром в интерпретации О.В. Устрижицкого.

Во-вторых, эта динамика может быть отражена посредством сопоставления различных позиций. Здесь в качестве довода можно сослаться на диалогический принцип построения общего поля теорий коммуникации Р. Крейга (1999). Гегельянский диалектический синтез в данном случае – частное явление, возможное, но не обязательное. С неоклассических позиций подобный парадокс остается признаком нарушения аналитической строгости, порождающим эклектику, а в рамках постнеклассической парадигмы ведет к расширению опорной категории – к фронтирности понятия, своего рода эпистемологическому фронтиру. Если в педагогической практике фронтирность преподнесения знания посредством раскрытия содержания противоположных пониманий объекта устоялось в качестве приема проблемного подхода, то теоретические дискуссии о приемлемости такого указания на объект исторической реальности ещё предстоят.

Результатом описания реальности через эпистемологический фронтир, так же как в педагогической практике, будет не единый монолит модели реальности, а ситуация выбора, деструкции, актуализации иного контекста. Соответственно, целью анализа является не категоричный прогноз или оценка, не однозначная интерпретация реальности, а определение предельных значений, провокация неоднозначных оценок многогранности происходящего и происходившего. В этом случае объект исследования предстает как совокупность культурных концептов реальности, что позволяет рассматривать исторический процесс в качестве культурного текста (Горлова, Бакуменко, Коваленко, 2017), а грань между социальной и виртуальной реальностью, вслед за В.И. Шаховским, определять принципиальной возможностью восхождения коммуникативного акта посредством эмотивности текста (Лугинина, 2020) от личностной автокоммуникации к межличностной коммуникации и далее – к социальной автокоммуникации (взаимодействию центра и периферии), за пределами которой оказывается кибернетический монолог виртуальной реальности.

Попытаемся рассмотреть виртуализацию социокультурного фронта с позиций О. В. Устрижицкого.

Учитывая его подход, накопленный с 2016 г. «Журналом фронтальных исследований» корпус исследований можно разбить на две большие группы: в одной аккумулируются исторические портреты провинции как социокультурного фронта (Алиев, 2016b; Крюков, 2019; Кудряшова, 2016; Кулаков, 2016; Скиба, 2016), в другой же накапливается рефлексия подвижности современных социокультурных фронтов (Алиев, 2016a; Довбыш, 2016; Хлыщева, 2018; Heim, 2021; Jänchen, 2021; Šilhavá, 2021), – между которыми образуется достаточно широкая область, характеризующая саму категорию фронта как подвижный феномен теоретической рефлексии, как эпистемологический фронт. С неоклассических позиций – это свидетельство размытости понятия, что не свойственно классической категории; с постнеклассических же – приближение теоретической категории к подвижности динамичной реальности за счет подвижности самой категории.

Возникает вопрос: может, специфика основополагающего понятия фронтальных исследований как раз в подвижности, в постоянном поиске конфигураций реальности между зафиксированных предельных значений, в возможности обобщений на новом постнеклассическом, постструктуралистском, пост-постмодернистском системном уровне?

Программа исследования реализуется в последовательности от поиска устойчивых коннотаций семантического конструкта «Tertius Romae = Третий Рим» к логике исторической эволюции его функционала во взаимодействии управляющего центра (центров) с управляемой периферией.

Сакрализация и секуляризация Tertius Romae

Цицерон использует Tertius Romae в формальной типологии. Его теоретический конструкт относился к пограничному состоянию древнеримской государственности, к переходному периоду от республики к империи, который принято именовать принципатом; т.е. цicerоновский Tertius Romae является социокультурным фронтом переходного периода в развитии древнеримской государственности. Вместе с тем, Новый Рим (третье сословие, представителями которого выступали и Цицерон, и император Август) в условиях доминирования и культивирования (сакрализации) родовых отношений устойчивой политической системы в древнем мире породить не мог, не располагал потенциалом медиации традиции и новации (Ахиезер, 1997; 1998), – только Тиберий стал воплощением подобного синтеза; следовательно и социально-исторический феномен третьего сословия Древнего Рима остается социокультурным фронтом, пограничьем политической элиты римского общества.

Возникновение христианства и ислама в периферийной зоне цивилизационной ойкумены объясняется неспособностью цивилизационного центра генерировать, производить объединяющие конгломерат покоренных народов

ценности (Ахиезер, 1997; 1998). Преобладание в практике управления извлечения ценности (Mazzucato, 2020), как демонстрирует история Древнего Рима, – кибернетический тупик, а массовый консьюмеризм – признак девальвации транслирующей ценности потребительства центра.

Дж. Коломер обращает внимание на роль безопасности провинции в её поддержке управляющей метрополии (Colomer, 2007). Если центр создает условия безопасной жизнедеятельности (политической, экономической, культурной жизни) периферии, то она не заинтересована в изменении этих условий, в противном же случае сам центр идентифицируется как угроза, что влечет новые коллаборации в поисках устойчивых условий безопасности. Эти процессы и порождают делигитимацию управляющего центра, которая сопровождается ростом сепаратистских настроений и возникновением новых центров управления, вынужденных вступить в противоборство как между собой, так и с прежней метрополией.

По мысли Стивена Фризен, Иоанн Богослов в Апокалипсисе посредством эсхатона соотносит образы мировых империй Книги Даниила с образами иудейской мифологии, отождествляя вершину мирского прогресса с величием Рима (Friesen, 2004, p. 308). Рим берется за основание мистического и теологического христианского переосмысления политических реалий. Ценнейшим свидетельством христианизации символизма античного мира является наследие Евсевия Кесарийского (Ващева, 2018; Курдыбайло, 2020; Corke-Webster, 2019). Отмечаемая И.Ю. Ващевой христианская «перекодировка» основных античных категорий (2018), в том числе, коснулась фронта «Новый Рим» (сословие): родовая богоизбранность перекодируется в надэтническую культурную принадлежность, которая изначально находится на периферии, за рамками нормативных установок древнего мира, но постепенно завоевывает доминирующее положение. Эсхатология же закрепляется в качестве историософской интерпретации политических реалий.

Креационисты, вероятнее всего, найдут весомые анти-доводы тезису, который, в связи с этим, следует сформулировать в форме вопроса: насколько повлиял культ «царя царей» (императорского титула в рамках *Pax Augusta* или *Pax Romana*) на популяризацию монотеизма?

Обратим внимание, что язычество восточных цивилизаций (Индия, Китай) сформировало устойчивые мировые религии, определив центр и суть мироздания в трансцендентном, за пределами вещного мира пространстве (праджня, дао), обезличив его, придав ему субстанциональное значение – могуществом здесь наделяется не персона, а обезличенные законы мироздания, следование которым просветляет персонифицированный образ. Авраамические же религии персонифицируют могущество в образе Творца (Царя царей), устанавливающего законы. Персонификация верховного божества, определяющего законы, восходит к древнеегипетской теологической традиции, в то время как древнеиндийская и древнекитайская цивилизации,

очевидно в силу географической обособленности, породили собственные самобытные религиозные картины мира.

Идеологема *Tertius Romae* является продуктом политического дискурса именно авраамических религий, наделивших географические объекты сакральным значением столицы мира (небесного града): Иерусалим, Ватикан и Мекка обрели подобный сакральный статус внутри систем ценностей своих адептов. Из более древних прообразов небесного града на земле разве что ветхозаветный Вавилон претендует на подобный статус. Идея Вавилона как средоточия величия, несмотря на ветхозаветное этическое осуждение греховного самовозвеличивания, находит свое воплощение и центральное место в сакральной географии адептов авраамических религий и обуславливает поиск столицы мира на Земле.

Евсевий Кесарийский не употребляет прямо концепт «*Tertius Romae*», но триадологически он возвеличивает империю Константина (христианский мир) над древними империями нехристианского Рима и Александра Македонского. Триадология Евсевия уязвима в плане общих типологических оснований, но важно, что закладывается возрожденческая концепция величия Нового Рима, которая воплощается пентархатом в единстве Вселенской церкви под началом града св. Петра, а за тем и в идее величия Священной Римской империи под началом Каролингов (IX–X вв.). Внутренние же противоречия константинопольского патриархата и римского папства подрывают столичный статус Вечного града. С одной стороны, на примере Болгарского и Сербского царств устанавливается принцип достижения национального суверенитета путем национализации автокефалии, с другой – распад единства Вселенской церкви усиливает геополитические амбиции исламского мира.

Новая идентичность является ключевой темой Корана (Fischbach, 2017; Reda, 2010). В собственной системе координат (первый Рим – древний, второй – христианский, третий – исламский) к воплощению идеи третьего Рима был близок султан Мехмед II, провозглашенный Василевском греков и римлян после взятия Константинополя (1453). Идея халифата была усилена концепцией возрождения римского величия. Не было внешних ни военно-политических, ни экономических препятствий к завоеванию османами града св. Петра. Только внутривластные распри после смерти амбициозного Мехмеда II приостановили расширение Османской империи. Усиление исламского мира в XV в. повлияло на формирование двух устойчивых противоположных по эмотивной нагрузке коннотаций *tertius Romae*: с одной стороны, – это концепция возрождения величия (*translatio imperii*), близкая триадологии Нового Рима (града Св. Петра) Евсевия Кесарийского, с другой – воплощение христианских эсхатологических ожиданий пришествия в мирскую власть антихриста. В обоих случаях Третий Рим полагается в потенции формирования нового центра силы. И по отношению к этой потенции выстраиваются две противоположные

эмотивные коннотации одной идеологемы: позитивно-возрожденческая и негативно-эсхатологическая.

Перемещение двуглавого орла в Испанию (1502), которое стало результатом падения Константинополя и усиления европейского влияния Фердинанда II Арагонского, придает Tertius Romae значение блуждающего (перемещающегося в географическом пространстве) центра силы, что находит свое политическое воплощение в величии империи Габсбургов. Этот пример свидетельствует о востребованности позитивно-возрожденческой коннотации социокультурного фронта в папской политике управления провинцией. В результате европейские династии включаются в соперничество между собой за обладание высшим символическим статусом, что образует особую сферу светской политики в пределах Священной Римской империи.

Интересное наблюдение делает Т.Т. Тэдеева (2021). Она подчеркивает значение для славянских государств установления собственного суверенитета путем утверждения автокефалии поместной церкви и царского статуса национальной монархии (Болгария – X в., Сербия – XIV в.). Эта коннотация Tertius Romae, ограниченная идеей национального суверенитета, обуславливает рост национального самосознания и сопровождается культурным прорывом народа, утвердившего собственный суверенитет – золотым веком национальной культуры. Вполне логично Тамара Тэдеева восстанавливает и триадологию христианского мистического восприятия политических трансформаций Вселенской церкви от единства сакральной столицы христианского мира (Первый Рим – город Св. Петра), к распаду на двое (Великий раскол) и к автономии поместных церквей ввиду делигитимации центра на Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1445). С опорой на собственные наблюдения и авторитетные мнения филологов (А.И. Алексеев, А.В. Каравашкин, А.С. Усачёв, А.Л. Юрганов) она относит провозглашенную в XVI в. Зосимой и Филофем идею «Москва – Третий Рим» к эсхатологической смысловой сфере христианских ожиданий. Но вместе с тем обращенность послания к Василию III указывает на опыт утверждения национального суверенитета болгарским князем Симеоном I (864–927), титулованным Царем Константинопольским всех греков и римлян в 919 г., и королем Сербии Стефаном Урошем IV (1308–1355), самопровозглашенным Василевсом Сербии и Романии (1346). Идея Святой Руси – это идея русского национального суверенитета под началом Москвы. По мнению академика Ю. С. Пивоварова, к этой идее вела эволюция политической культуры русских княжеств (1993). Подтверждает эту мысль с опорой на текстологические исследования Р.П. Дмитриевой, А.А. Зимина, А.Л. Гольдберга, Н.В. Синицыной и Е.А. Бауэр, указывая, что в XVI–XVII вв. прослеживается влияние «теории» «Москва – третий Рим» на общественно-политическую мысль Руси, которое снижается во второй половине XVII в., исчезает в следующем веке и возрождается лишь во второй половине XIX в. (2011, с. 123–125).

Здесь следует уточнить, что в последнее время освещаются документы, свидетельствующие о попытках возрождения и эксплуатации идеи «Москва – третий Рим» уже в царствование Екатерины Великой (Иванов, 2021; Кириллина, 2012; Фрид, 2020). Употребленный Еленой Александровной термин «теория» по отношению к идее «Москва – третий Рим» тоже требует уточнения.

В классическом смысле под теорией понимается система знаний.

Крайне сложно говорить о средневековой политической теории применительно к эксплуатации идеи «Москва – третий Рим». Скорее это исключительно теософская концепция православного просветительского дискурса, который подготовил венчание на Царство Ивана Грозного. К тому же метафоричное употребление понятия «теория» не только не аутентично, но и вводит в заблуждение, поскольку во второй половине XIX в. (В.С. Иконников, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев и др.) и в XX в. (И.А. Ильин, И.М. Снычев, А.П. Панарин и др.) вокруг идеи «Москва – третий Рим» действительно формируются историософские и политико-философские теории.

Эсхатологическая и возрожденческая эмотивные нагрузки концепта *Tertius Romae* отражают два состояния общественного сознания провинции, соответствующие центробежным и центростремительным тенденциям. Если средневековые идеи *Tertius Romae* связаны с возрождением сакрального единства центра мира, то геополитические амбиции Екатерины Великой уже основываются не на миссионерской идее, а на целенаправленном использовании эмотивной нагрузки *Tertius Romae* в политических целях. Происходит своего рода секуляризация сакральной идеи центра мира с целью формирования настроений провинции для достижения стратегических преимуществ в геополитическом противостоянии. Для Московского патриархата «Москва – Третий Рим» остается сакральной миссионерской идеей объединения православного мира, а для Северной Пальмиры (светской власти Российской империи) становится рычагом геополитического влияния. Это две совершенно разные смысловые нагрузки *Tertius Romae*: традиционная (религиозная, сакральная) и Нового времени (светская, секулярная). На примере становления Московского царства можно заметить и инверсию эсхатологических настроений в позитивно-возрожденческие. В этой связи следует подчеркнуть роль укрепления центра, тенденции расширения географии его влияния в инверсии негативной в позитивную коннотацию.

Ослабление центра, как то произошло ввиду падения московской династии Рюриковичей, вообще исключает *Tertius Romae* из употребления. В традиционной культуре идеология формируется вокруг опорной концепции на протяжении длительного времени, из поколения в поколение объединяя совокупность надбиологических программ жизнедеятельности общества в систему. Новое время же – это уже результат антропоцентризма Просвещения, результат секуляризации мышления до уровня стремления человека управлять миром, – это уже эпоха сжатия социально-исторических процессов

до масштабов одного поколения, эпоха ускорения течения социального времени. Именно Новое время порождает в классическом понимании теории и стремление с их помощью усиливать собственное влияние (*scientia potentia est*).

По мнению И.Б. Будрайтскиса в основании ведущих на сегодняшний день политических доктрин лежит стремление преодоления апокалиптической идеи конца истории (2021). Это наблюдение ценно в плане обнаружения секуляризации в светской политике достижений политической теологии. Секуляризуется и идея престола Бога на Земле: сакральные основания преодоления эсхатологических ожиданий посредством преображения личности и общества (митрополит Филарет (В.М. Дроздов)), подменяются в Новое время политическими амбициями достижения преимуществ в агонии, в противостоянии национально-государственных образований. Если в христианских эсхатологических представлениях течение времени не подвластно человеку и история является подтверждением воли Бога, то секуляризованная политика ищет в истории подтверждения собственного величия для легитимизации политической элиты. Отсюда трансформация сакральной эсхатологической идеи *Tertius Romae* в политическую доктрину господства.

Секуляризация политики снизила давление церкви на государственную власть. Появляется необходимость легитимизации власти уже не в лице Бога, а перед массами (народом), перед объектом управления. В Новое время, как отметил И.Б. Будрайтскис, складывается три политические доктрины преодоления эсхатологических настроений масс: консерватизм, либерализм и социализм. И они, несмотря на принципиальные идеологические расхождения, общи в направленности управляющего субъекта (центра или претендента занять центральное положение в политической жизни) на объект управления (провинцию или массы). За десакрализацией политики следует десакрализация политического центра, который оказывается вынужден предпринимать шаги по обеспечению своего доминирующего положения над провинцией, в том числе и по идеологической ресакрализации своего исключительного положения. Положительно-возрожденческая коннотация социокультурного фронта *Tertius Romae* оказывается востребована в силу её влияния на активизацию центростремительных тенденций в развитии общества, в организации его вокруг единого центра.

Несмотря на жестокую борьбу монотеизма с язычеством, европейское Средневековье остается под влиянием культа Рода. Иная идентичность посредством миссионерства предлагается провинции (массам). В то время как властные династические амбиции подкрепляются символическими кровными связями. Для возвеличивания титула практикуется «обнаружение» кровных уз с Александром Македонским (Багрянородная династия), затем теологическая историософия все с большим рвением переписывает родословные (историю властителей). Гегелевская история «блуждающего» Духа подытоживает транс-

формацию культа Рода в культ Духа, реализуя триадологическую историософскую концепцию Евсевия Кесарийского уже на диалектическом уровне.

Различия политических доктрин Нового времени, как свидетельствует политологическая историософия К. Поппера (1992), сводятся к особенностям интерпретации исторического времени. Это обуславливает при очередном возрождении идеи *Tertius Romae* необходимость переписи истории, перекодировки исторической памяти масс, построения новой культурной идентичности на основе мифологических ценностных взаимосвязей символов успеха в прошлом и будущем (Бакуменко, 2015). Для актуализации центростремительных сил используется уже не столько артикуляция *Tertius Romae* (как магическая формула), хотя и это присутствует в общественно-политическом дискурсе XIX и XX вв., сколько переименования центра силы с сохранением общей семантической нагрузки. *Tertius Romae* обозначается как возможность формирования новой идентичности вокруг нового центра, за которой признается исключительная роль в глобальной пересборке. Семантический конструкт социокультурного фронта *Tertius Romae* узнается по его функциональной нагрузке *translatio imperii* и по инверсии негативно-эсхатологической оценки реальности в позитивно-возрожденческую.

Очевидно, что, помимо появления *Tertius Romae*, в творчестве Цицерона определяются по меньшей мере два исторических этапа его эволюции: сакральный (V–XVI вв.) и секулярный (XVI–XX вв.).

На сакральном этапе культивируется идея центра силы (столицы, метрополии). Она обретает две эмотивные коннотации, характеризующие противоположные тенденции в развитии национального самосознания. Позитивно-возрожденческая коннотация связана с центростремительными тенденциями, с укреплением центра и стремлением провинции к объединению под его началом. Негативно-эсхатологическая коннотация, напротив, указывает на делигимизацию центра и усиление центробежных сил, на стремление провинции к обособлению и формированию нового управляющего центра. Политическая теология увязывает идею управляющего центра с воплощением божественной воли в образе правителя, но ограничивает способность центра мира (метрополии) формулировать и транслировать принципы преодоления апокалиптических ожиданий (центробежных тенденций). Периодичность и взаимная инверсия позитивных и негативных ожиданий не фиксируется в качестве процесса, а идентифицируется как проявление божественной воли, присущей ходу истории. Это обуславливает принципиальное неприятие самой идеи самочинного управления настроениями провинции.

Секуляризация политической жизни стала неизбежным следствием неспособности сакрального центра противостоять центробежным настроениям и тенденциям. Реформация и протестантизм в Европе XVI в. сопровождаются девальвацией общего управляющего центра. Если в рассыпающейся Европе концепт *Tertius Romae* теряет популярность вплоть до обострения

колониальных войн, то собирающаяся вокруг Москвы Русь провозглашает с помощью него идею национального суверенитета и особой сакральной миссии русского народа в обретении Святой Руси.

Виртуализация управления

В первые десятилетия XXI в. происходят коренные изменения в социальной структуре. В силу популяризации на протяжении предыдущего столетия идеи деколонизации (освобождения от политического гнета) *translatio imperii* перекочевывает из политического дискурса в сферу экономики и организационного управления. Эпоху экономического империализма спрогнозировал еще К. Маркс. Мировому империализму с переменным успехом противостоял СССР, сам будучи империей. С крушением социалистического лагеря империализм политический по общему согласию теоретиков – вне зависимости от убеждений и философских оснований – делается своего рода жупелом (*bogey*), между тем как экономические империи становятся предметом критики, гордости, зависти и даже поклонения.

В современном дискурсе экономической теории присутствует управленческая функция *Tertius Romae* в конструкциях глобальной экономики (Mazzucato, 2020), в прогностике перспективных глобальных рисков и пр.

К примеру, анализ концепции Четвертой промышленной революции (4ПР) Клауса Шваба (Schwab, 2017) научным сотрудником Центрального экономико-математического института РАН Е.В. Балацким демонстрирует четкую программу преодоления ведущими европейскими державами мальтузианской ловушки («конца света») за счет колониальной политики. Опираясь на марксистскую теорию отчуждения, Е.В. Балацкий моделирует трудовую матрицу промышленных революций, разграничивая «первичный» (1ПР, 3ПР) и «массовый» (2ПР, 4ПР) этапы вытеснения труда из производственной сферы (2019, с. 9–11). Если отмеченный К. Марксом этап отчуждения труда в индустриальном обществе в результате 2ПР (1840–1860) характеризовался массовым вытеснением физического труда из производства и со Старого света в Новый, то цифровые технологии, а также наметившаяся в результате 4ПР конвергенция цифровых, физических и биологических систем начиная с 2010 г. влечет за собой, по мнению Евгения Всеволодовича, усиление массового вытеснения физического ещё и вытеснением умственного труда. Только географических просторов для «лишних» людей в системе глобального капиталистического распределения ресурсов не осталось. В результате усиливается риск вытеснения большинства населения планеты из экономической жизни на задворки социальных отношений без каких-либо шансов включиться в рациональное и справедливое распределение труда, ресурсов и производимых благ.

Цифровизация общества – этап смены способов управления механизмами производства и распределения благ, обуславливающей значительное усиление социального неравенства, а также замену экономики производства ценностей спекулятивными технологиями извлечения ценности (Mazzucato, 2020). Вполне естественно, что серьезные изменения в структуре общественных отношений сопровождаются изменениями и в эмоциональном фоне этих отношений. В частности, Е.В. Балацкий обращает внимание на приведенные К. Швабом результаты исследования учеными Мичиганского университета показателя эмпатии (сопереживания) студентов 2010 г.: в сравнении с результатами 20–30-ти летней давности уровень эмпатии снизился на 40 % – американские студенты стали менее чувствительны к сопереживанию чужим невздам и успехам. «У населения формируется биологическая невосприимчивость к проявлениям социального неравенства и несправедливости» (Балацкий, 2019, с. 16). Упоминает Е.В. Балацкий и «теорию церебрального неравенства», сторонником которой в России является биолог С.В. Савельев (Почётный академик ВРАЛ 2018 г. – медийного проекта антипремии «за выдающийся вклад в развитие и распространение лженауки и псевдонауки» портала Антропогенез.ру при поддержке фонда «Эволюция»). Позволим себе здесь развернутую цитату, чтобы не интерпретировать превратно спорные тезисы:

«...церебральные различия означают простую вещь: биологические предпосылки к созданию новых технологий и управлению в новой реальности есть не у всех. Следовательно, остальные будут вытеснены на обочину жизни без шансов на какой-либо успех. Тем самым на этапе 4ПР церебральные различия накладываются на сложную технологическую среду и усиливают социальное неравенство, которое и без того увеличивалось последние 2–3 десятилетия. И что самое главное – преодолеть это неравенство нет возможности уже не по социальным, а по более глубинным, биологическим, причинам: если изначально нет соответствующих областей мозга или не хватает в них нейронов, то исправить это уже нельзя» (Балацкий, 2019, с. 17).

История знает и более ранние «теоретические» доктрины социального дарвинизма (Т. Гоббс, Й. Геббельс и др.), задача которых сводилась к этическому оправданию колониализма, социальной дискриминации, геноцида для утверждения нового Tertius Romae – оправдания получения выгоды за счет унижения и уничтожения людей под прикрытием очередной идеологии «светлого будущего».

Одной из фундаментальных задач социально-гуманитарных наук остается противодействие скатыванию отрасли за гуманитарные пределы, за которыми гуманитарное знание становится антигуманным, т. е. лишается базовых этических оснований. Вполне очевидно, что за подобным креном науки стоит инерция обслуживания политических и экономических интересов узкого круга элиты, не способной управлять иначе, кроме как путем уничтожения объекта управления. Парадокс, высвечивающий «лженаучность» подобного крена, состоит и в том, что по тем же «церебральным» резонам возможно уничто-

жение представителей управляющей элиты, пытающейся удержать свое доминантное положение за счет био-церебрального обоснования собственной исключительности. Нельзя не согласиться с прогностическим выводом Евгения Всеволодовича, что «новые технологии 4ПР будут действовать разнонаправленным образом: в одних случаях усиливать биологические различия между людьми, в других — нивелировать их. Нет никакого сомнения, что это один из самых значимых вызовов ближайшего будущего» (Балацкий, 2019, с. 17). Только с поправкой — любые технологии во все времена (например, гончарный круг, посуда с плоским дном, одежда, молоток и пр.) действовали разнонаправленно: одни из них биологические различия людей усиливали, а другие — нивелировали. Следовательно, нет никакого сомнения, что это один из самых значимых вызовов не только ближайшего будущего, но и отдаленного прошлого. Важно учитывать вековой исторический опыт человечества. Цифровизация общества в первую очередь модифицирует систему управления, создавая условия для упрощения и унификации управленческих механизмов. Не хотелось бы, чтобы за рычагом такого упрощенного механизма случайно оказалась исключительная обезьяна с гранатой (не в обиду приматам).

Как утверждает П.Дж. Блаунт, основываясь на анализе революционного прорыва телекоммуникационных технологий в XXI в., цифровизация меняет отношение общества к мировому порядку, поскольку киберпространство по-новому перекраивает международные границы (Blount, 2019). Вопросы информационной безопасности, по его мнению, входят в противоречие с базовыми демократическими принципами и неотъемлемыми правами человека. Обостряется конфликт права доступа к информации (Дж. Ассанж и др.) с социальным заказом на ограничение свободного доступа к отдельным категориям данных. Высвечивается проблема монополизации управления информационными потоками, информационными фильтрами, монополизации использования «информационного оружия», которое П.Дж. Блаунт относит к средствам массового поражения. Контроль над информацией, с одной стороны, становится неотъемлемым элементом национально-государственного суверенитета, а с другой — позволяет контролирующему центру беспрепятственно нарушать суверенитет незащищенных в информационной сфере государств, безнаказанно ущемляя базовые права человека на их территории, дестабилизируя политическую систему. В этой связи вполне уместны опасения и отечественных теоретиков (Панарин, 2003; Астафьева, Никонорова, Шлыкова, 2018). Культурологи, в частности, поднимают проблему «гуманистического императива развития цифровой экономики и цифровой цивилизации в России и мире» ввиду усиления неопределенности базовых ценностей (Астафьева, Никонорова, Шлыкова, 2018).

Скорость обработки данных в виртуальной среде без участия человека, непосредственно влияющая на принятие управленческих решений, уже сейчас

свидетельствует об интенсивном смещении центра силы в виртуальное «киберпространство» (Blount, 2019). При этом массовая культура заражена мифом превосходства цифрового над аналоговым: мифом о машине-спасителе, продлевающей жизнь, повышающей ее качество, «высвобождающей» человека от тяжелого труда и даже обещающей в недалекой перспективе бессмертие. Эти же мифологические образы порождают и апокалиптические трактовки происходящих изменений, неприятие технологических новаций, страхи и опасения.

В идеализации и мистификации виртуального пространства, осваивающего все большие просторы социальности, усматривается как позитивно-возрожденческая коннотация *Tertius Romae*, так и негативно-эсхатологическая. Гонка за технологическими преимуществами держав и корпораций в настоящее время сходна с агонией аристократических династий Средневековья. Большая четверка (Alphabet, Amazon, Apple, Microsoft) успешно соперничает с ведущими державами за перераспределение ресурсов человеческого капитала, преуспевая в интеллектуальной сфере, устанавливая не только собственную корпоративную культуру, но и активно участвуя в формировании новой наднациональной (глобальной?) культурной идентичности. Если считать инверсию негативно-эсхатологической коннотации в позитивно-возрожденческую основной характеристикой социокультурного фронта *Tertius Romae*, то его виртуализация вполне очевидна. Вне религиозных концепций бытия будущее сегодня не определяется без участия в нём технологий виртуальной и дополненной реальности, а центром силы, способным преодолеть проблемы и противоречия реальности, представляется совокупность технологий искусственного интеллекта, являющаяся источником как негативно-эсхатологических настроений, так и оптимизма в духе позитивно-возрожденческих толкований *Tertius Romae*.

Подводя итог, можно констатировать, что помещение в виртуальное пространство социокультурного фронта *Tertius Romae* не влияет на его протяженность и подвижность между негативной и позитивной коннотациями. В силу его идеальности и иллюзорности функция активизации центростремительных сил к новому центру будет ослабевать, снижая культурное потребление его символического значения, как и совокупности остальных социоцентричных символов успеха в условиях персоноцентричного тренда культурного потребления (Бакуменко, 2019; 2021). Если доверять прогностическому потенциалу модели социокультурного процесса символизации успеха, свидетельствующей о флуктуациях культурного потребления между полюсами социоцентризма и персоноцентризма, в настоящее время в тренде персоноцентризм (Бакуменко, 2021, с. 160), что в ближайшее десятилетие (ориентировочно до 2027 г.) будет обуславливать доминирование негативно-эсхатологической коннотации виртуального *Tertius Romae*. Смена же парадигмы культурного потребления в последующем при условии всеобщей доступности технологий

виртуальной и дополненной реальности повлечет виртуализацию не только отдельных социокультурных фронтиров, но и социокультурного процесса символизации успеха в целом – как механизма пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем (Бакуменко, 2015).

Социокультурный фронт *Tertius Romae* в новой цифровой реальности обретает значение подвижных границ отсталой периферии, зависимой от технологически более развитой метрополии, оказывающей услуги связи, регламентирующей контент и обеспечивающей информационную безопасность. Когда-то дороги обеспечили Древнему Риму внедрение технологий географического распределения труда и контроля единого рынка империи. Теперь центростремительные силы определяются скоростью обработки потоков больших данных и принятия стратегических решений центром. Гонка за технологическим преимуществом, в которую втянуты и сверхдержавы, и транснациональные корпорации, сегодня позволяет указать на новое имя *Tertius Romae* – Artificial Intelligence.

Выводы

Смещение механизмов принятия управленческих решений в автоматизированную (виртуальную) сферу обработки потоков больших данных предоставляет управляющему центру (управляющим центрам) невиданные прежде в истории человечества возможности реконструкции общественного сознания и манипуляции им. Эпоха постправды, постграмотности, нового средневековья, «темного времени»; цифровое, информационное или постиндустриальное общество – вот далеко не полный перечень метафор, с помощью которых теоретики обозначают коренную трансформацию социальности в первые десятилетия XXI в. Есть основания предложить и новую характеристику бытования *Tertius Romae* – указать на его виртуализацию. Пережив сакральный (V–XVI вв.) и секулярный (XVI–XX вв.) этапы своей эволюции, сохранив под новым именем семантическое ядро центра силы и основные эмотивные характеристики восприятия, цicerоновский концепт в текущем тысячелетии начинает новый этап своего развития – виртуальный. Некогда привязанный к территории и определенной форме правления, *Tertius Romae* обретает сегодня значение виртуального могущества. Фронтирность периферии обусловлена сегодня качеством и безопасностью связи, мощностью и производительностью конечного оборудования – совершенством и доступностью новейших цифровых технологий.

Соответственно, помимо времени появления конструкта *Tertius Romae* следует выделить три глобальных этапа его исторической эволюции: сакральный, секулярный и виртуальный.

Обозначенный авторами ракурс рассмотрения социокультурного фронта как подвижного конструкта, отражающего оценку периферией управляющего

центра, представляет собой авторскую когнитивную модель, – абстракцию социально-психологического процесса, разворачивающегося в историческом времени. Предложенная модель не является единственно верным отражением реальности. Она предполагает, в том числе, и альтернативный выбор восприятия подвижной реальности с иных теоретических оснований. Однозначный прогноз или оценка, однозначная интерпретация реальности – не были целью исследования. Посредством определения предельных значений семантического конструкта *Tertius Romae* авторы попытались спровоцировать дискуссию о многогранности и многомерности исторической реальности.

В результате предпринятой типологии и периодизации напрашивается наиболее перспективное направление дальнейших исследований – сравнение обозначенных периодов эволюции *Tertius Romae*. Предварительно можно указать, что сакральный и виртуальный этапы схожи в том, что центр силы полагается за пределами человеческих возможностей. Хотя виртуальный *Tertius Romae* не лишен и модернистской иллюзии достижения господства путем концентрации силы вокруг упрощенного механизма управления различными масштабными процессами. Несмотря на то, что в обозримой истории человечества нет примеров реализации этой иллюзии, т.е. *Tertius Romae* был и остается историческим мифом, управляющая функция данной идеи была востребована неоднократно: на сакральном этапе – имплицитно и неотрефлексированно, на секулярном – целенаправленно, но неотрефлексированно в достаточной степени. Теперь было бы крайне близоруко не использовать накопленный багаж теоретического знания (история, теория управления, экономическая теория, социальная философия, социология и социальная психология, социальная антропология и культурология) для рационализации целеполагания социального развития.

Использованный в исследовании подход О.В. Устрижицкого, подразумевающий гибкость (фронтирность) самой категории социокультурного фронта и одновременно динамику описываемых с её помощью явлений, усиливает эвристический потенциал теоретической метафоры фронта в плане одновременного раскрытия поля малоизученных, слабо освещенных проблем. Конечно же, идеи ученого нуждаются в дальнейшей критике, как и предложенная в представленном материале их апробация.

Между тем грань между социальной и виртуальной реальностью, если учитывать теорию эмотивности В.И. Шаховского, определяется достаточно четко. Принципиальная возможность восхождения коммуникативного акта посредством эмотивности текста от личностной автокоммуникации к межличностной коммуникации и далее к социальной автокоммуникации (взаимодействию центра и периферии) в условиях виртуализации центра силы (управляющего центра) исчезает. Обратная связь периферии со своим центром оказывается за пределами кибернетического монолога виртуальной реальности,

который в свою очередь может включаться и выключаться одним нажатием кнопки.

Сегодня большое внимание уделяется информационной безопасности, информационной культуре, информационной грамотности, информационной гигиене и т.д. – навыкам, продиктованным процессом омашинивания человека и общества. Но как-то затеняется бесконечным потоком проблем информатизации принципиальный вопрос «Черного квадрата» К. Малевича: что если в созданной человеком искусственной реальности не останется места самому человеку, человеку сочувствующему?

Список литературы

- Adams, P. C. (1997). Cyberspace and Virtual Places. *Geographical Review*, 87(2), 155.
<https://doi.org/10.2307/216003>
- Alwin, D. F., Felmlee, D. H., & Kreager, D. A. (Eds.). (2018). *Social Networks and the Life Course: Integrating the Development of Human Lives and Social Relational Networks* (Vol. 2). Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-71544-5>
- Bales, K. (2012). *Disposable People: New Slavery in the Global Economy, Updated with a New Preface*. University of California Press.
- Basu, G. K. (2001). Globalisation, Virtualisation and Global Politics: A Critical Perspective. *The Indian Journal of Political Science*, 62(3), 359–373.
- Blount, P. J. (2016). *Reprogramming the world: Cyberspace and the geography of global order* [PhD Thesis, Rutgers University - Graduate School - Newark].
<https://doi.org/10.7282/T3KK9F01>
- Borgatti, S. P. (2019). *Social Networks at Work* (D. J. Brass, Ed.). Taylor & Francis.
- Bowman, R. L. (1998). Life on the electronic frontier: The application of technology to group work. *The Journal for Specialists in Group Work*, 23(4), 428–445.
<https://doi.org/10.1080/01933929808411411>
- Chojnicka, K. (2008). *Narodziny rosyjskiej doktryny państwowej: Zoe Paleolog–między Bizancjum, Rzymem a Moskwą* [The birth of Russian state doctrine: Zoe the Paleologist–between Byzantium, Rome and Moscow]. Collegium Columbinum. (In Polish).
- Colomer, J. M. (2007). *Great empires, small nations: The uncertain future of the sovereign state*. Routledge.
- Corke-Webster, J. (2019). *Eusebius and Empire: Constructing Church and Rome in the Ecclesiastical History*. Cambridge University Press.
- Craig, R. T. (2009). Reflection on “Communication Theory as a Field”. *Communiquer. Revue de Communication Sociale et Publique*, 2, 7–12. <https://doi.org/10.4000/communiquer.346>
- Csermely, P. (2009). *Weak links: The universal key to the stability of networks and complex systems*. Springer.
- D’Agostino, G., & Scala, A. (Eds.). (2014). *Networks of Networks: The Last Frontier of Complexity*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-03518-5>

- Debrix, F. (1999). *Re-envisioning peacekeeping: The United Nations and the mobilization of ideology* (Vol. 13). University of Minnesota Press.
- Edwards, M. (1999). *Roads from the Ashes: An Odyssey in Real Life on the Virtual Frontier*. Trilogy Books.
- Fischbach, R. (2017). Rereading the Qurʾān and challenging traditional authority: Political implications of Qurʾān hermeneutics. *The Journal of the Middle East and Africa*, 8(1), 1–21. <https://doi.org/10.1080/21520844.2017.1289327>
- Frieden, J. A., Lake, D. A., & Broz, J. L. (2017). *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth*. W. W. Norton & Company.
- Friesen, S. J. (2004). Myth and Symbolic Resistance in Revelation 13. *Journal of Biblical Literature*, 123(2), 281. <https://doi.org/10.2307/3267946>
- Geister, Ph., & Hallonsten, G. (Eds.). (2021). *Faithful Interpretations: Truth and Islam in Catholic Theology of Religions* (Vol. 2). The Catholic University of America Press.
- Heim, L. L. (2021). Rewriting the Nation: German-Turkish Transformations of the Bildungsroman. *Journal of Frontier Studies*, 6(2), 37–67. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i2.291>
- Hermida, O. V., & Casas-Mas, B. (2020). The virtualization of communications with relatives. *Journal of Family Studies*, 1–24. <https://doi.org/10.1080/13229400.2019.1709531>
- Jänchen, A. (2021). Border Crossing and Self-Placement of Characters with a Migratory Background in Contemporary German Novels. *Journal of Frontier Studies*, 6(2), 85–102. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i2.290>
- Kallis, A. (2012). The “Third Rome” of Fascism: Demolitions and the Search for a New Urban Syntax. *The Journal of Modern History*, 84(1), 40–79. <https://doi.org/10.1086/663287>
- Kolaczyk, E. D. (2017). *Topics at the Frontier of Statistics and Network Analysis:(re) visiting the Foundations*. Cambridge University Press.
- Lee, H., Choi, Y., Van Nguyen, T., Hai, Y., Kim, J., Bahja, M., & Hocoğlu, H. (2020). COVID19 Led Virtualization: Green Data Center for Information Systems Research. *Information Systems Management*, 37(4), 272–276. <https://doi.org/10.1080/10580530.2020.1818901>
- Li, Y., & Cui, Q. (2017). Airline energy efficiency measures using the Virtual Frontier Network RAM with weak disposability. *Transportation Planning and Technology*, 40(4), 479–504. <https://doi.org/10.1080/03081060.2017.1300244>
- Liu, J., Huang, T., Xin, Y., Zhang, J., Yu, F. R., & Liu, Y. (2016). VLAN-reusing: A novel solution for efficient network virtualization. *Intelligent Automation & Soft Computing*, 22(4), 543–549. <https://doi.org/10.1080/10798587.2016.1152779>
- Ludlow, P. (1996). *High noon on the electronic frontier: Conceptual issues in cyberspace*. MIT Press.
- Mazzucato, M. (2020). *The Value of Everything*. PublicAffairs Books.
- Miller, L. (1995). Women and Children First: Gender and the Settling of the Electronic Frontier. In J. Brook & I. Boal (Eds.), *Resisting the Virtual Life: The Culture and Politics of Information* (1st ed., pp. 49–57). City Lights.
- Postigo, H. (2008). Capturing Fair use for the YouTube Generation: The Digital Rights Movement, the Electronic Frontier Foundation and the User-Centered Framing of Fair Use. *Information, Communication & Society*, 11(7), 1008–1027. <https://doi.org/10.1080/13691180802109071>

- Reda, N. (2010). Holistic Approaches to the Qur'an: A Historical Background: Holistic Approaches to the Qur'an. *Religion Compass*, 4(8), 495–506. <https://doi.org/10.1111/j.1749-8171.2010.00233.x>
- Rheingold, H. (2000). *The Virtual Community, revised edition: Homesteading on the Electronic Frontier*. MIT press.
- Schwab, K. (2017). *The fourth industrial revolution*. Crown Business.
- Šilhavá, G. (2021). Migration Experiences in Selected Works by Stanislav Struhar. *Journal of Frontier Studies*, 6(2), 16–36. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i2.303>
- Takacs, S. J., & Freiden, J. B. (1998). Changes on the Electronic Frontier: Growth and Opportunity of the World-Wide Web. *Journal of Marketing Theory and Practice*, 6(3), 24–37. <https://doi.org/10.1080/10696679.1998.11501802>
- Thomas, D. (1998). Criminality on the electronic frontier: Corporality and the judicial construction of the hacker. *Information, Communication & Society*, 1(4), 382–400. <https://doi.org/10.1080/13691189809358979>
- Vitevitch, M. S. (2019). *Network Science in Cognitive Psychology*. Routledge.
- Yang, Zh., Fang, H., & Xue, X. (2021). Sustainable efficiency and CO2 reduction potential of China's construction industry: Application of a three-stage virtual frontier SBM-DEA model. *Journal of Asian Architecture and Building Engineering*, 1–14. <https://doi.org/10.1080/13467581.2020.1869019>
- Yıldız-Alanbay, Ş. (2021). The Politics of Virtual Security. *Spectra*, 8(1), 35. <https://doi.org/10.21061/spectra.v8i1.164>
- Алиев, Р. Т. (2016а). Фронтирные архетипы в американском комиксе (на примере Супермена и Стражей галактики). *Журнал Фронтирных Исследований*, 1, 126–133.
- Алиев, Р. Т. (2016б). Проблема этнической идентификации юртовских татар. *Журнал Фронтирных Исследований*, 3, 39–51.
- Астафьева, О. Н., Никонорова, Е. В., & Шлыкова, О. В. (2018). Культура в цифровой цивилизации: Новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития. *Обсерватория культуры*, 15(5), 516–531. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531>
- Ахиезер, А. С. (1997). *Россия: Критика исторического опыта. Т. 1: Социокультурная динамика России. Словарь. Сибирский хронограф*.
- Ахиезер, А. С. (1998). *Россия: Критика исторического опыта. Т. 2: Теория и Методология. Словарь. Сибирский хронограф*.
- Бакуменко, Г. В. (2015). Процесс символизации успеха как принцип пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем. *Политика и общество*, 7, 964–977. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2015.7.14468>
- Бакуменко, Г. В. (2019). *Символизация успеха в современном кинематографе [Диссертация кандидата культурологии]*. Краснодарский государственный институт культуры, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Крымский университет, культуры, искусств и туризма.
- Бакуменко, Г. В. (2021). *Ценностная динамика символов успеха: На материале статистики кинопроката*. ООО «Сам Полиграфист».

- Бакуменко, Г. В., Устрижицкий, О. В., & Грицкевич, В. П. (2020). О практической значимости теоретического конструкта «социокультурный фронтир». *Культурная жизнь Юга России*, 2, 127–131.
- Балацкий, Е. В. (2019). Глобальные вызовы четвертой промышленной революции. *Terra Economicus*, 17(2), 6–22. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22>
- Бауэр, Е. А. (2011). Идея «Москва—Третий Рим» в русской общественной мысли конца XV — начала XVII вв.: Отечественная историография XX столетия. Издательство Нижневартбургского гуманитарного университета.
- Будрайтскис, И. (2021). Апокалипсис и политики невозможного. *Логос*, 31(4), 193–218. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-4-193-215>
- Ващева, И. Ю. (2018). «Церковная история» Евсевия Кесарийского: Терминология и проблемы этнокультурной идентичности на пороге средневековья. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 1, 169–183.
- Горлова, И. И., Бакуменко, Г. В., & Коваленко, Т. В. (2017). История как культурный текст: К вопросу о методе интерпретации символов успеха в культуре. *Право и практика*, 1, 183–188.
- Денисов, Э. И. (2019). Роботы, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность: Этические, правовые и гигиенические проблемы. *Гигиена и санитария*, 98(1), 5–10. <https://doi.org/10.18821/0016-9900-2019-98-1-5-10>
- Довбыш, Е. Г. (2016). Электронный фронтир как метафора. *Журнал Фронтирных Исследований*, 1, 100–115.
- Дьяков, С. И. (2016). Семантические конструкты субъектной самоорганизации личности. *Вопросы психолингвистики*, 27, 89–104.
- Заякина, Р. А. (2017а). Реальный сетевой дизайн: Статический структурный дескриптор. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*, 3(4).
- Заякина, Р. А. (2017б). Топология предпринимательского университета: Динамическая дескриптивная модель. *Высшее образование в России*, 7, 69–78.
- Иванов, С. (2021). Византия Екатерины Великой. *Quaestio Rossica*, 9(2). <https://doi.org/10.15826/qr.2021.2.602>
- Кириллина, Л. В. (2012). Сартр, Еврипид и Третий Рим. *Научный вестник Московской государственной консерватории*, 1, 12–41.
- Крюков, А. В. (2019). Религиозное инакомыслие в зоне фронта: Пути и способы распространения (на примере Кубанской области и Черноморской губернии в досоветский период). *Журнал Фронтирных Исследований*, 3, 61–82. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10019>
- Кудряшова, Ю. А. (2016). Роль миссионерских станций в распространении европейской модели образования в Западной Африке во второй половине XIX века. *Журнал Фронтирных Исследований*, 1, 44–56.
- Кулаков, В. О. (2016). Северные провинции Ирана в истории русского фронта в Прикаспии. *Журнал Фронтирных Исследований*, 1, 57–66.

- Курдыбайло, Д. С. (2018). О понятии «символ» в «Евангельском доказательстве» Евсевия Кесарийского. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*, 78, 11–27. <https://doi.org/10.15382/stur1201878.11-27>
- Лугинина, А. Г. (2020). В поисках смыслов: Актуализация невербального опыта средствами изобразительного искусства. *Наследие веков*, 1, 105–113. <https://doi.org/10.36343/SB.2020.21.1.010>
- Панарин, И. Н. (2003). *Информационная война и Третий Рим*. Баярд.
- Пивоваров, Ю. С. (1993). Политическая культура и политическая система России: От принятия христианства до петровских реформ. *Мир России. Социология. Этнология*, 2(1), 184–212.
- Плотичкина, Н. В. (2018). Мифология электронного фронта. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 1, 80–88.
- Плотичкина, Н. В., & Довбыш, Е. Г. (2017). Сетевой фронт как метафора и миф. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 17(1), 51–62. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-1-51-62>
- Поппер, К. (1992). *Открытое общество и его враги: В 2 тт.* (В. Н. Садовский, Ред.). Культурная инициатива, Феникс.
- Пронкина, Е. С. (2015). О репрезентациях однополрой любви в медиа. *Бизнес. Общество. Власть*, 23, 73–83.
- Синельникова, Л. Н. (2020). Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 24(2), 467–492. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492>
- Скиба, К. В. (2016). Гибель «старшего темиргоевского князя» Джамбулата Болотокова возле крепости Прочный окоп в октябре 1836 года. *Журнал Фронтирных Исследований*, 3, 52–77.
- Смирнов, С., & Яблокова, Е. (2019). Антропологические границы гуманитарной экспертизы. *Философская антропология*, 5(1), 26–44. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-1-26-44>
- Тедеева, Т. Т. (2021). Культурно-исторические смыслы Третьего Рима. *Человек и Культура*, 3, 111–127. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2021.3.32321>
- Федорченко, С. Н. (2017). Политические идентичности в социальных сетях интернета. *Вестник Пермского университета. Политология*, 2, 29–46. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2017-2-29-46>
- Филатов, А. С. (2016). Историческая миссия России в свете концепции Третьего Рима. *Парадигмы Истории И Общественного Развития*, 4, 72–79.
- Фрид, Т. (2020). Мекленбург и Третий Рим—Вызов империи. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 65(2), 584–604. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.215>
- Хабибуллина, З. Р. (2019). Селфи в Мекке: Харам или досточтимый Хадж? *Сибирские исторические исследования*, 2, 85–107. <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/5>
- Хлыщева, Е. В. (2018). Фронт идентичностей: Проблема культурных границ. *Журнал Фронтирных Исследований*, 2, 61–69. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-00009>
- Храпов, Н. П. (2020). Применение технологии виртуализации для защиты программного обеспечения и данных в системах добровольческих вычислений. *Вестник СПбГУ. Серия 10. Прикладная математика. Информатика. Процессы управления*, 16(1), 62–72. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu10.2020.106>

Цицерон, М. Т. (1994). *Диалоги* (С. Л. Утченко, Ред.). Наука; Ладомир.

Чирун, С. Н., & Боброва, Е. А. (2018). Гендерные особенности политического участия в постсоветской России. *Женщина в российском обществе*, 2 (87), 104–115.
<https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.2.9>

References

Adams, P. C. (1997). Cyberspace and Virtual Places. *Geographical Review*, 87(2), 155.
<https://doi.org/10.2307/216003>

Akhiezer, A. S. (1997). *Russia: A Critique of Historical Experience*. T. 1: Socio-Cultural Dynamics of Russia. Dictionary. The Siberian Chronograph. (In Russian).

Akhiezer, A. S. (1998). *Russia: A Critique of Historical Experience*. T. 2: Theory and Methodology. Dictionary. The Siberian Chronograph. (In Russian).

Aliev, R. T. (2016a). The frontier archetypes of american comics (the example of Superman and Guardians of the galaxy). *Journal of Frontier Studies*, 1, 126–133. (In Russian).

Aliev, R. T. (2016b). The problem of Yurt Tatars' ethnic identity. *Journal of Frontier Studies*, 3, 39–51. (In Russian).

Alwin, D. F., Felmlee, D. H., & Kreager, D. A. (Eds.). (2018). *Social Networks and the Life Course: Integrating the Development of Human Lives and Social Relational Networks* (Vol. 2). Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-71544-5>

Astafieva, O. N., Nikonorova, E. V., & Shlykova, O. V. (2018). Culture in the Digital Civilization: A New Stage in Understanding the Future Strategy for Sustainable Development. *Observatory of culture*, 15(5), 516–531. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531> (In Russian).

Bakumenko, G. V. (2015). The process of symbolisation of success as a principle of spatial-medial orientation of the elements of socio-cultural systems. *Politics and society*, 7, 964–977.
<https://doi.org/10.7256/1812-8696.2015.7.14468> (In Russian).

Bakumenko, G. V. (2019). *The symbolisation of success in contemporary cinema* [PhD thesis in cultural studies]. Krasnodar State Institute of Culture, D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Crimean University, Culture, Arts and Tourism. (In Russian).

Bakumenko, G. V. (2021). *Value Dynamics of Success Symbols: Based on Film Distribution Statistics*. Sam Polygraphist Ltd.. (In Russian).

Bakumenko, G. V., Ustrizhitsky, O. V., & Gritskovich, V. P. (2020). On the practical relevance of the theoretical construct “sociocultural frontier”. *Cultural life in Southern Russia*, 2, 127–131. (In Russian).

Balatsky, E. V. (2019). Global Challenges of the Fourth Industrial Revolution. *Terra Economicus*, 17(2), 6–22. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22> (In Russian).

Bales, K. (2012). *Disposable People: New Slavery in the Global Economy, Updated with a New Preface*. University of California Press.

Basu, G. K. (2001). Globalisation, Virtualisation and Global Politics: A Critical Perspective. *The Indian Journal of Political Science*, 62(3), 359–373.

- Bauer, E. A. (2011). *The Idea of “Moscow-Third Rome” in Russian Social Thought in the Late 15th – Early 17th Centuries: Domestic Historiography of the 20th Century*. Nizhnevartovsk Humanitarian University Press. (In Russian).
- Blount, P. J. (2016). *Reprogramming the world: Cyberspace and the geography of global order* [PhD Thesis, Rutgers University – Graduate School – Newark].
<https://doi.org/10.7282/T3KK9F01>
- Borgatti, S. P. (2019). *Social Networks at Work* (D. J. Brass, Ed.). Taylor & Francis.
- Bowman, R. L. (1998). Life on the electronic frontier: The application of technology to group work. *The Journal for Specialists in Group Work*, 23(4), 428–445.
<https://doi.org/10.1080/01933929808411411>
- Budraitiskis, I. (2021). The apocalypse and the politics of the impossible. *Logos*, 31(4), 193–218.
<https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-4-193-215> (In Russian).
- Chirun, S. N., & Bobrova, E. A. (2018). Gender Peculiarities of Political Participation in Postmodern Russia. *Woman in Russian Society*, 2 (87), 104–115. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.2.9> (In Russian).
- Chojnicka, K. (2008). *Narodziny rosyjskiej doktryny państwowej: Zoe Paleolog-między Bizancjum, Rzymem a Moskwą* [The birth of Russian state doctrine: Zoe the Paleologist-between Byzantium, Rome and Moscow]. Collegium Columbinum. (In Polish).
- Cicero, M. T. (1994). *Dialogues* (S. L. Utchenko, Ed.). Nauka; Lodomir. (In Russian).
- Colomer, J. M. (2007). *Great empires, small nations: The uncertain future of the sovereign state*. Routledge.
- Corke-Webster, J. (2019). *Eusebius and Empire: Constructing Church and Rome in the Ecclesiastical History*. Cambridge University Press.
- Craig, R. T. (2009). Reflection on “Communication Theory as a Field”. *Communiquer. Revue de Communication Sociale et Publique*, 2, 7–12. <https://doi.org/10.4000/communiquer.346>
- Csermely, P. (2009). *Weak links: The universal key to the stability of networks and complex systems*. Springer.
- D’Agostino, G., & Scala, A. (Eds.). (2014). *Networks of Networks: The Last Frontier of Complexity*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-03518-5>
- Debrix, F. (1999). *Re-envisioning peacekeeping: The United Nations and the mobilization of ideology* (Vol. 13). University of Minnesota Press.
- Denisov, E. I. (2019). Robots, artificial intelligence, augmented and virtual reality: ethical, legal and hygienic issues. *Hygiene and sanitation*, 98(1), 5–10. <https://doi.org/10.18821/0016-9900-2019-98-1-5-10> (In Russian).
- Dovbysh, E. G. (2016). Electronic frontier as a metaphor. *Journal of Frontier Studies*, 1, 100–115. (In Russian).
- Dyakov, S. I. (2016). Semantic constructs of personality subjective self-organization. *Psycholinguistic issues*, 27, 89–104. (In Russian).
- Edwards, M. (1999). *Roads from the Ashes: An Odyssey in Real Life on the Virtual Frontier*. Trilogy Books.

- Fedorchenko, S. N. (2017). Political identities in social networks of the internet. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2, 29–46. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2017-2-29-46> (In Russian).
- Filatov, A. S. (2016). Russia's Historical Mission in Light of the Third Rome Concept. *Paradigms of History and Social Development*, 4, 72–79. (In Russian).
- Fischbach, R. (2017). Rereading the Qurʾān and challenging traditional authority: Political implications of Qurʾān hermeneutics. *The Journal of the Middle East and Africa*, 8(1), 1–21. <https://doi.org/10.1080/21520844.2017.1289327>
- Fried, T. (2020). Mecklenburg and the Third Rome – the Evocation of Empire. *Vestnik of St Petersburg University. History*, 65(2), 584–604. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.215> (In Russian).
- Frieden, J. A., Lake, D. A., & Broz, J. L. (2017). *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth*. W. W. Norton & Company.
- Friesen, S. J. (2004). Myth and Symbolic Resistance in Revelation 13. *Journal of Biblical Literature*, 123(2), 281. <https://doi.org/10.2307/3267946>
- Geister, Ph., & Hallonsten, G. (Eds.). (2021). *Faithful Interpretations: Truth and Islam in Catholic Theology of Religions* (Vol. 2). The Catholic University of America Press.
- Gorlova, I. I., Bakumenkov, G. V., & Kovalenko, T. V. (2017). History as a Cultural Text: Towards a Method of Interpreting Symbols of Success in Culture. *Law and practice*, 1, 183–188. (In Russian).
- Heim, L. L. (2021). Rewriting the Nation: German-Turkish Transformations of the Bildungsroman. *Journal of Frontier Studies*, 6(2), 37–67. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i2.291>
- Hermida, O. V., & Casas-Mas, B. (2020). The virtualization of communications with relatives. *Journal of Family Studies*, 1–24. <https://doi.org/10.1080/13229400.2019.1709531>
- Ivanov, S. (2021). Catherine the Great's Byzantium. *Quaestio Rossica*, 9(2). <https://doi.org/10.15826/qv.2021.2.602> (In Russian).
- Jänchen, A. (2021). Border Crossing and Self-Placement of Characters with a Migratory Background in Contemporary German Novels. *Journal of Frontier Studies*, 6(2), 85–102. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i2.290>
- Kallis, A. (2012). The “Third Rome” of Fascism: Demolitions and the Search for a New Urban Syntax. *The Journal of Modern History*, 84(1), 40–79. <https://doi.org/10.1086/663287>
- Khabibullina, Z. R. (2019). Taking selfies in Mecca: haram or still the venerable Hajj? *Siberian Historical Studies*, 2, 85–107. <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/5> (In Russian).
- Khlyshcheva, E. V. (2018). The frontier of identities: the problem of cultural borders. *Journal of Frontier Studies*, 2, 61–69. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-00009> (In Russian).
- Khrapov, N. P. (2020). Using virtualization technologies to protect software and data in volunteer computing systems. *Vestnik of St Petersburg University. Applied Mathematics. Computer Science. Control Processes*, 16(1), 62–72. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu10.2020.106> (In Russian).
- Kirillina, L. V. (2012). Sarti, Euripides and the Third Rome. *Scientific Bulletin of the Moscow State Conservatory*, 1, 12–41. (In Russian).
- Kolaczyk, E. D. (2017). *Topics at the Frontier of Statistics and Network Analysis:(re) visiting the Foundations*. Cambridge University Press.

- Kryukov, A. V. (2019). Religious Dissent in the Frontier Zone: Ways and Means of Dissemination (The Kuban Region and the Black Sea Province in the Pre-Soviet Period as a Case Study). *Journal of Frontier Studies*, 3, 61–82. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10019> (In Russian).
- Kudryashova, Yu. A. (2016). The role of the missionary stations in the dissemination of european models of education in West Africa in the second half of the nineteenth century. *Journal of Frontier Studies*, 1, 44–56. (In Russian).
- Kulakov, V. O. (2016). North provinces of Iran in the history of russian frontier in the Caspian region. *Journal of Frontier Studies*, 1, 57–66. (In Russian).
- Kurdybaylo, D. S. (2018). On Symbols and Symbolism in Eusebius' of Caesarea Demonstratio Evangelica. *Vestnik of the Orthodox Svyato-Tikhonovsky University of Humanities. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 78, 11–27. <https://doi.org/10.15382/sturl201878.11-27> (In Russian).
- Lee, H., Choi, Y., Van Nguyen, T., Hai, Y., Kim, J., Bahja, M., & Hocaoglu, H. (2020). COVID19 Led Virtualization: Green Data Center for Information Systems Research. *Information Systems Management*, 37(4), 272–276. <https://doi.org/10.1080/10580530.2020.1818901>
- Li, Y., & Cui, Q. (2017). Airline energy efficiency measures using the Virtual Frontier Network RAM with weak disposability. *Transportation Planning and Technology*, 40(4), 479–504. <https://doi.org/10.1080/03081060.2017.1300244>
- Liu, J., Huang, T., Xin, Y., Zhang, J., Yu, F. R., & Liu, Y. (2016). VLAN-reusing: A novel solution for efficient network virtualization. *Intelligent Automation & Soft Computing*, 22(4), 543–549. <https://doi.org/10.1080/10798587.2016.1152779>
- Ludlow, P. (1996). *High noon on the electronic frontier: Conceptual issues in cyberspace*. MIT Press.
- Luginina, A. G. (2020). Searching for Meanings: Actualization of Non-Verbal Experience through Fine Art. *Heritage of Centuries*, 1, 105–113. <https://doi.org/10.36343/SB.2020.21.1.010> (In Russian).
- Mazzucato, M. (2020). *The Value of Everything*. PublicAffairs Books.
- Miller, L. (1995). Women and Children First: Gender and the Settling of the Electronic Frontier. In J. Brook & I. Boal (Eds.), *Resisting the Virtual Life: The Culture and Politics of Information* (1st ed., pp. 49–57). City Lights.
- Panarin, I. N. (2003). *Information warfare and the Third Rome*. Bayard. (In Russian).
- Pivovarov, Y. S. (1993). Russia's Political Culture and Political System: From the Adoption of Christianity to the Petrine Reforms. *World of Russia. Sociology. Ethnology*, 2(1), 184–212. (In Russian).
- Plotichkina, N. V. (2018). Mythology of the electronic frontier. *Herald of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences*, 1, 80–88. (In Russian).
- Plotichkina, N. V., & Dovbysh, E. G. (2017). Network frontier as a metaphor and myth. *RUDN Journal of Sociology*, 17(1), 51–62. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-1-51-62> (In Russian).
- Popper, K. (1992). *The Open Society and its Enemies: In 2 vols.* (V. N. Sadovsky, Ed.). Cultural Initiative, Phoenix. (In Russian).
- Postigo, H. (2008). Capturing Fair use for the YouTube Generation: The Digital Rights Movement, the Electronic Frontier Foundation and the User-Centered Framing of Fair Use. *Information, Communication & Society*, 11(7), 1008–1027. <https://doi.org/10.1080/13691180802109071>
- Pronkina, E. S. (2015). On representations of same-sex love in the media. *Business. Society. Government*, 23, 73–83. (In Russian).

- Reda, N. (2010). Holistic Approaches to the Qur'an: A Historical Background: Holistic Approaches to the Qur'an. *Religion Compass*, 4(8), 495–506. <https://doi.org/10.1111/j.1749-8171.2010.00233.x>
- Rheingold, H. (2000). *The Virtual Community, revised edition: Homesteading on the Electronic Frontier*. MIT press.
- Schwab, K. (2017). *The fourth industrial revolution*. Crown Business.
- Šilhavá, G. (2021). Migration Experiences in Selected Works by Stanislav Struhar. *Journal of Frontier Studies*, 6(2), 16–36. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i2.303>
- Sinelnikova, L. N. (2020). The conceptual environment of the frontier discourse in humanities. *Russian journal of linguistics*, 24(2), 467–492. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492> (In Russian).
- Skiba, K. V. (2016). The death of the “major duke of temirgoys” Dzhambulat Dolotokov near fortress Prochnyi okop in october of 1836. *Journal of Frontier Studies*, 3, 52–77. (In Russian).
- Smirnov, S., & Yablokova, E. (2019). Anthropological Boundaries of Humanitarian Expertise. *Philosophical anthropology*, 5(1), 26–44. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-1-26-44> (In Russian).
- Takacs, S. J., & Freiden, J. B. (1998). Changes on the Electronic Frontier: Growth and Opportunity of the World-Wide Web. *Journal of Marketing Theory and Practice*, 6(3), 24–37. <https://doi.org/10.1080/10696679.1998.11501802>
- Tedeeva, T. T. (2021). Cultural-historical meanings of the Third Rome. *Man and Culture*, 3, 111–127. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2021.3.32321> (In Russian).
- Thomas, D. (1998). Criminality on the electronic frontier: Corporality and the judicial construction of the hacker. *Information, Communication & Society*, 1(4), 382–400. <https://doi.org/10.1080/13691189809358979>
- Vashcheva, I. Y. (2018). Eusebius of Caesarea's “Ecclesiastical History”: Terminology and Issues of Ethnocultural Identity on the Threshold of the Middle Ages. *Issues of history, philology and culture*, 1, 169–183. (In Russian).
- Vitevitch, M. S. (2019). *Network Science in Cognitive Psychology*. Routledge.
- Yang, Zh., Fang, H., & Xue, X. (2021). Sustainable efficiency and CO2 reduction potential of China's construction industry: Application of a three-stage virtual frontier SBM-DEA model. *Journal of Asian Architecture and Building Engineering*, 1–14. <https://doi.org/10.1080/13467581.2020.1869019>
- Yıldız-Alanbay, Ş. (2021). The Politics of Virtual Security. *Spectra*, 8(1), 35. <https://doi.org/10.21061/spectra.v8i1.164>
- Zayakina, R. A. (2017a). Real Network Design: Static Structural Descriptor. *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural Studies*, 3(4). (In Russian).
- Zayakina, R. A. (2017b). The Topology of the Entrepreneurial University: A Dynamic Descriptive Model. *Higher education in Russia*, 7, 69–78. (In Russian).